

А.С. Синкевич

**В.Н. ТАТИЩЕВ КАК ИСТОРИК МОСКОВСКОЙ РУСИ  
40–50-х годов XIV века**

В отечественной исторической науке давно ведутся дискуссии относительно «Истории Российской» В.Н. Татищева. Суть дискуссии состоит в том, можно ли использовать его труд в качестве источника. Среди исследователей нет единого мнения по этому вопросу, они по-разному оценивают сведения из его «Истории». Вопрос об источниках, на основании которых была написана «История Российская», неоднократно ставился в исторической науке и разрешался по-разному. Исследователи XIX в. с большим сомнением относились ко многим известиям Татищева, обвиняя его в выдумках, а иногда и в прямых подлогах. Начало такому взгляду, видимо, положил Н.М. Карамзин, который в примечаниях к «Истории государства Российского» неоднократно отмечает недостоверность татищевских сведений.

В XIX в. нашлись и апологеты «Истории Российской». С.М. Соловьев в своей «Истории России» при описании некоторых событий, которые произошли в 40–50-е гг. XIV в., не раз прямо ссылается на В.Н. Татищева как на источник, используя в тексте неопределенную фразу: «Есть известие...» Это не означает, что С. М. Соловьев ни разу не высказывал сомнений относительно татищевских известий. Например, он очень скептически отнесся к той характеристике, которую дал В.Н. Татищев Семenu Ивановичу. В.О. Ключевский предпочитал на татищевские известия вообще не ссылаться, однако, как и его учитель, не удержался от повторения некоторых формулировок, высказанных еще В.Н. Татищевым. Единственный раз, когда В.О. Ключевский прямо ссылается на В.Н. Татищева при описании событий 40–50-х гг. XIV в., он указывает, что информация почерпнута им из «одного из позднейших летописных сводов».

Весьма скептически относился к татищевским сведениям А.Е. Пресняков. На трактовку В.Н. Татищевым событий 1358 г., связанных с Рязанским княжеством, он отреагировал следующим образом: «Татищевская передача эпизода о Махмет-Хоже пример произвольного комментирования, какое Татищев вносил в редакцию текста: отсюда и целая история о споре за Лопасню у него же».

Только в последние десятилетия, видимо, под влиянием трудов Б.А. Рыбакова, наметился интерес к татищевским известиям о событи-

ях XIV в. К примеру, Н.С. Борисов присоединяется к мнению, что «Татищев не выдумывал свои уникальные известия, а черпал их из тех источников, которые находились в его руках, но не сохранились до наших дней» (1999).

На наш взгляд, татищевские известия за 40–50-е гг. XIV в. ближе всего к позднему московскому летописанию. Основным источником у В.Н. Татищева при написании глав 40–41 «Истории Российской», по-видимому, была летопись, близкая к Никоновскому своду: «Сей же Олгерд премудр бе зело, и многими языки глаголаше, и превзыде властью и саномъ паче всехъ, и воздержание имяше велие...» (ПСРЛ. Т. 10). У В.Н. Татищева: «Сей же Олгерд премудр бе зело, и многими языки глаголаше, и превзыде властью и саном паче всех, и воздержание имеяше велие...». Подобных аналогий в «Истории Российской» можно найти сколько угодно.

У В.Н. Татищева имеются и такие известия за 40–50-е гг. XIV в., которых мы не встречаем в источниках XVI в. Во-первых, это сообщение о получении Семеном Ивановичем великокняжеского ярлыка в Орде в 1340 г. Во-вторых, это известия, которые связаны с княжеским съездом в Москве осенью 1340 г., уже после возвращения Семена Ивановича из Орды, и с обстоятельствами заключения мира с Новгородом. Представляют большой интерес известия В.Н. Татищева за 1347 г., где сообщается об ответном письме митрополита Феогноста шведскому королю Магнусу Эрикссону, а также о церковной реформе. Первого известия в летописях мы вообще не находим, хотя имеются некоторые аргументы в его пользу. О втором же в источниках говорится следующим образом: «Того же лета пресвященный Феогнасть, митрополить Киевский и всея Руси, посоветова нечто духовне съ сыномъ своимъ великимъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ, и тако послаше въ Царьградъ къ патриарху». У Татищева: «Пресвященный Феогнаст митрополит име собор о делех духовных ко исправлению монастырей, служения и служителей церковных, и уставивша начало года сентевриа от 1-го числа. И списавше список, посла князь великий Симион Иванович с архимандритом рождественским в Царьград к патриарху, о благословении прося». Остается добавить, что, кажется, именно благодаря В.Н. Татищеву уже в историографии XIX в. за сыновьями Калиты прочно закрепились прозвища «Гордый» и «Красный».